

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

И. А. Бабоша

**Надзор тайной полиции Царства Польского
за польской эмиграцией в 1831–1839 гг.
(по донесениям военных губернаторов Варшавы
в Третье отделение)**

Бабоша Иван Александрович

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

Ведущий редактор

Фундаментальная библиотека ИНИОН РАН

117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская
Федерация

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Цитирование

Бабоша И. А. Надзор тайной полиции Царства Польского за польской эмиграцией в 1831–1839 гг. (по донесениям военных губернаторов Варшавы в III отделение) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 34–52. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

Статья поступила в редакцию 14.04.2023.

Рецензирование завершено 01.08.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

Статья посвящена анализу наблюдений зарубежной агентуры тайной полиции Царства Польского в 1830-х гг. за польской эмиграцией, образовавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. В научный оборот вводится неизвестный ранее источник – донесения военных губернаторов Варшавы в III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) с 1831 по 1839 г. Среди донесений обнаружены некоторые рапорты уже известных по литературе агентов, Вернера и Шостаковского. Эти отчеты позволяют осветить проблематику деятельности польской эмиграции XIX в. с точки зрения российского политического сыска, которая мало учитывалась в историографии польского национального движения.

Полиция при наместничестве И. Ф. Паскевича в Царстве Польском (1831–1856 гг.) сохраняла автономию от III отделения, обладая собственной агентурой в среде польской эмиграции. Важное место в донесениях занимают рапорты, в которых анализируются отношение Австрии к польской эмиграции и значение Краковской республики в деятельности «польских выходцев». Анализ донесений позволяет сделать вывод о том, что работа российской агентуры была направлена прежде всего на конкретные угрозы государственной безопасности – проекты цареубийства и планы по отправке эмигрантов в бывшие польские земли. Идеологические различия между эмигрантскими фракциями имели для полиции второстепенное значение.

Ключевые слова

Донесения агентов, политический сыск, агентура, польская эмиграция, цареубийства, Царство Польское, Третье отделение.

В историографии устоялось представление о том, что заграничная агентура III отделения СЕИВК была создана для надзора за польской эмиграцией, образовавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском¹. Кроме того, в работах И. М. Троцкого, И. В. Оржеховского и П. П. Черкасова, разделявших эту точку зрения, также высказывалось мнение, что после восстания в этом ведомстве сосредоточилось все руководство российской агентурной сетью за рубежом². В начале 1830-х гг. для наблюдения за «польскими выходцами» к штату III отделения присоединились

¹ См., например: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 103–138 (польский оригинал вышел в 1928 г.); *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 8–9; *Бибииков Г. Н. А. Х.* Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 282–287.

² *Троцкий И. М.* III отделение при Николае I. М., 1930. С. 59; *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 69; *Черкасов П. П.* Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // *Родина.* 2007. № 9. С. 56–62; *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008. С. 173–175.

некоторые бывшие сотрудники политического сыска Царства Польского при вел. кн. Константине Павловиче. Они специализировались на польских делах и организации зарубежной агентуры (А. Сагтынский, К. Швейцер и др.). И. В. Оржеховский и П. П. Черкасов обратили внимание на подобный транзит кадров, говорящий о возросшем значении III отделения как органа внешней разведки после событий 1830–1831 гг.

Тем не менее эта реформа не означала, что заграничный сыск стал исключительной прерогативой III отделения под началом Бенкендорфа. Указанной сферой занимались разные ведомства. В частности, информацию о польской эмиграции Николай I мог получать непосредственно из личной переписки с И. Ф. Паскевичем, который опирался на данные своей агентуры³. В области внешней разведки полиция Царства Польского сохраняла определенную независимость. И поэтому ее деятельность требует особого изучения.

В литературе рассматривалась структура полицейских органов Царства Польского в эпоху наместничества Паскевича (1831–1856 гг.)⁴. Г. Н. Бибииков исследовал сюжет о соперничестве Бенкендорфа и светлейшего князя Варшавского по вопросу организации жандармерии в этом регионе⁵. Однако до сих пор не выяснены вопросы, как полиция Царства Польского взаимодействовала с III отделением в сфере надзора за «польскими выходцами» и что из себя представляла ее деятельность на этом направлении.

Отчасти пролить свет на эти проблемы позволяет практически неизвестный в историографии источник – донесения военных губернаторов Варшавы⁶ в III отделение. В фонде 109 ГА РФ нам удалось

3 Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

4 См., например: *Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // Studia i szkice (1864–1918). Warszawa, 1962. S. 47–104; Носов Б. В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М., 2016. С. 134; Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa, 2019. S. 217–219, 244–246.*

5 См.: Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф... С. 202–209.

6 Военный губернатор Варшавы являлся по сути первым заместителем наместника. Он руководил военной администрацией, следственными комиссиями, тайной полицией. У него были свои канцелярия и штаб. См. подробнее: *Kulik M. Armia rosyjska... S. 184–185.*

найти отчеты с 30 октября (11 ноября) 1831 по 6 (18) марта 1839 г.⁷ Среди авторов этих документов указывались И. О. Витт, Н. П. Панкратьев, Е. А. Головин и Ф. К. Нессельроде (начальник 3-го жандармского округа)⁸. Донесения выходили раз в 2–3 месяца, а по объему в среднем составляли около 100 рукописных листов. Несмотря на то, что каждый такой отчет приписывается конкретному автору, эти источники являются не единичными авторскими текстами, а собраниями документов разных типов.

Каждый из отчетов можно условно разделить на три части. В начале обычно были два раздела, всегда написанных по-русски. Первый назывался «Записки о происшествиях в городе Варшаве» и содержал краткую сводку преступности, природных бедствий и т. п. Во втором разделе размещалась таблица со списками приехавших в Варшаву и уехавших из нее. Наконец, третья часть, составляемая чаще всего на французском и вмещающая в себя агентурные записки, представляет для нас наибольший интерес.

Стоит учитывать, что военные губернаторы Варшавы находились в распоряжении Паскевича. Их донесения Бенкендорфу свидетельствуют скорее о межведомственной кооперации, а не об отношениях подчинения. Важно иметь в виду, что полномочия возглавляемой Бенкендорфом общеимперской системы жандармерии только частично распространялись на Царство Польское. После подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. по настоянию шефа жандармов в этом регионе был учрежден 3-й жандармский округ. Однако Паскевич настоял, чтобы начальник этого округа подчинялся лично ему. Его подотчетность шефу III отделения сводилась к тому, чтобы сообщать последнему о деятельности местной полиции и испрашивать его мнения по поводу кадровых предложений наместнику⁹.

В литературе подробно исследованы политическая жизнь и идеология эмиграции, ее деятельность по подготовке восстаний

7 ГА РФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 2а. Д. 165–195.

8 В электронном каталоге ГА РФ авторство всех отмеченных донесений атрибутируется И. О. Витту, хотя в действительности он оставил пост военного губернатора еще в конце 1832 г. Отчет 8 (20) ноября 1832 г. в отсутствие военного губернатора подготовил Ф. К. Нессельроде (см.: Там же), а с 1833 г. в качестве их составителя указывался уже Н. П. Панкратьев (см., например, отчет 10 (22) апреля 1833 г.: Там же. Д. 174. Л. 91).

9 Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф... С. 208–209.

в польских землях¹⁰. Тем не менее для освещения данных сюжетов агентурные рапорты приводились лишь спорадически, как дополнительный источник для проверки фактологии. Историки польского национального движения не рассматривали специально позицию царских властей. Цель данной статьи – определить, какие направления деятельности польской эмиграции интересовали органы политического сыска Царства Польского в период 1831–1839 гг.

Первые сведения о судьбе некоторых бежавших за границу членов политического руководства восстания появились в отчете И. О. Витта 24 ноября (6 декабря) 1831 г. Сообщалось, что Бонавентура Немоевский, Теофиль Моравский и Анджей Плихта прибыли в Париж¹¹. Немоевский – последний председатель повстанческого правительства, Моравский и Плихта были в нем министрами. Первые двое также входили в группу «калишан» – либеральных политиков из Калишского воеводства. На тот момент сведения о судьбе высокопоставленных повстанцев могли представлять интерес для разведки. 6 ноября 1831 г. они участвовали в создании Временного комитета польской эмиграции в Париже – первого представительного органа польских выходцев на чужбине. Предполагалось, что он станет правопреемником сейма Царства Польского. Однако комитет оказался слишком умеренным для радикально-демократического лагеря эмиграции¹².

Радикалы из бывшего Патриотического общества во главе с М. Мохнацким были возмущены заявлением Немоевского маркизу Ж. Лафайету о том, что «поляки, ищущие убежища во Франции, не преследуют никаких политических целей» и даже не намерены отмечать годовщину восстания 29 ноября 1830 г. В итоге большинство демократов перешло в комитеты под руководством известного историка и революционера Иоахима Лелевеля (также бывшего члена повстанческого правительства) и генерала Юзефа Дверницкого, которые решительно выступали за восстановление Польши в границах 1772 г. Проект Немоевского провалился¹³.

В дальнейших отчетах «калишане» были оттеснены на второй план более интересными для политического сыска радикалами.

10 См. наиболее полную библиографию о «Великой эмиграции» в целом: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

11 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 165. Л. 22.

12 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 19.

13 Там же.

В падении популярности Б. Немоевского и его соратников полиция могла убедиться из перехваченного письма от 28 января 1832 г. графа Адама Гуровского (одного из лидеров демократического лагеря, а затем ренегата)¹⁴ неизвестному адресату в деревню Вышина близ г. Конина (Калишское воеводство Царства Польского). «Красный граф» отметил, что Немоевский и Теодор Моравский (брат упомянутого выше Теофиля) – «...сумасшедшие, эгоисты, интриганы, они хотели бы доминировать еще и здесь и привести к потере оставшейся части от того, что они не сумели растерять в Польше»¹⁵.

В донесениях не приводилось полноценного описания эмигрантских группировок. Линии расхождения между лагерями обозначались лишь общими штрихами. Примечательно, что авторы отчетов отождествляли те или иные общества с предводителями эмиграции, а не с их политическими программами. Например, в донесении 20 марта (1 апреля) 1833 г. сообщалось о разладе между партиями князя Адама Чарторыйского и Лелевеля, последствия которого чувствовались в самой Польше. Эти партии имели разные представления о будущем устройстве Польши, и каждая из них стремилась расправиться с противником. Согласно этому донесению, Лелевель и его сторонники из радикально-демократического лагеря желали «безжалостно уничтожить» всех высших сановников и офицеров Царства Польского, оставшихся в стране после подавления восстания. Либерально-консервативная партия Чарторыйского, наоборот, призывала к «умеренности» и примирению с прошлым¹⁶. В этом рапорте также обращает на себя внимание то, что агента делала акцент не на идеологической программе Чарторыйского и Лелевеля (оба были врагами самодержавия), а на средствах борьбы, к которым могли прибегнуть возглавляемые ими общества. Очевидно, что полиция интересовалась в первую очередь конкретными шагами, которых можно было ожидать от этих партий.

Наблюдения за разногласиями в среде «польских выходцев» создавали у тайной полиции впечатление о скором и неминуемом разложении эмиграции под бременем внутренних противоречий. В донесении 9 (21) октября 1833 г. указывалось, что вражда между партиями Лелевеля и Чарторыйского «вышла на более высокий

14 См. о нем подробнее в первой (и пока единственной) части монументальной монографии Х. Глембоцкого: *Głębocki H. "Diabeł Asmodeusz" i kraj przyszłości*. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

15 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 166. Л. 50.

16 Там же. Д. 173. Л. 122.

уровень». Чарторыйского, генерала Ю. Бема и их сторонников демократы стали публично называть русскими шпионами. В связи с этим авторы отчета подытожили, что «с каждым днем польская эмиграция во Франции все больше тяготеет к распаду» и что все больше увеличивается число тех эмигрантов, кто хочет уехать в Америку¹⁷. При уровне развития коммуникации того времени отъезд за океан означал отказ от активной борьбы.

Надежды на распад польской эмиграции подкреплялись сведениями из перлюстрированной корреспонденции. В донесении Н.П. Панкратьева от 26 мая (7 июня) 1834 г. отмечалось: «...переписка польских выходцев полностью поменяла свой тон. С недавнего времени среди эмигрантов «царит великое уныние». Со дня на день все больше эмигрантов выказывают желание воспользоваться благами амнистии, и кажется, что постепенно большинство из них было бы очень радо рассмотреть возможность возвращения на родину, поскольку уже Адам Гуровский, один из главных поборников польской национальности, [...] обратился в русское посольство за помилованием»¹⁸.

Оптимистические прогнозы российской агентуры не сбылись. Эмиграция, несмотря ни на что, сохранилась. Вплоть до 1860–1870-х гг. она оставалась одним из главных объектов полицейского надзора¹⁹. «Национальная измена» А. Гуровского была скорее исключением и являлась следствием его духовной эволюции и личностного кризиса²⁰. Другие лидеры эмиграции не последовали примеру «красного графа».

Кроме Западной Европы агентурный надзор варшавской полиции распространялся на пограничье Царства Польского. Особое внимание в 1830-х гг. привлекала Краковская республика, служившая перевалочным пунктом для эмигрантов между Западом и польскими землями.

В отчете 17 (29) июля 1832 г. сообщалось о деятельности краковского купца Леона Бохенека²¹. Он снабжал беглых студентов-повстан-

17 Там же. Д. 176. Л. 3.

18 Там же. Д. 178. Л. 46.

19 Об этой эпохе см.: *Бабоша И. А.* Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // *Родина*. 2022. № 10. С. 106–109.

20 Гуровский весной – зимой 1834 г. пришел к выводу, что исповедуемые им идеи социализма и универсализма невозможно совместить с независимостью Польши. См. подробнее: *Głębocki H.* “Diabeł Asmodeusz”... S. 322–325.

21 Представитель этой купеческой семьи из Кракова был упомянут не случайно. Его отец Ян поставлял оружие повстанцам во время Ноябрьского

цев фальшивыми паспортами граждан Кракова, которые позволяли переправиться во Францию, Венгрию и различные австрийские провинции. Кроме того, живший близ прусского консульства Бохенек мог обеспечивать потенциальных эмигрантов паспортами в Пруссию, откуда можно было свободно выехать дальше на запад. По слухам, которые передал агент, прусский консул даже указывал коммерсанту места, где приграничный контроль был менее тщателен. Также отмечалось, что купец получал крупные пожертвования из-за границы на содержание студентов²².

В письме 10 (22) октября 1832 г. некий краковский агент указал еще один способ получения поддельных паспортов для отправки во Францию. Студентов за 30 флоринов могли зачислить в ремесленные цеха, которые выдавали сертификат об окончании обучения у мастера. С помощью этого сертификата будущий эмигрант мог приобрести удостоверение ремесленника, позволявшее, в свою очередь, обзавестись паспортом Кракова²³.

В донесениях напрямую не указывалось, как полиция предполагала бороться с такими нелегальными способами пересечения границы. Возможно, что именно на этот случай в каждом отчете составлялись упомянутые выше списки прибывших в Варшаву из-за границы и, наоборот, отправляющихся за рубеж. Там отмечались род деятельности путешественников (варианты: «лекарь», «купец», «кузнец», «граф», «помещик» и проч.) и названия владений, из которых они приехали или в которые направлялись (Познань – «немецкое», Париж – «французское» и т. п.)²⁴. Под именами тех или иных ремесленников в таблицах гипотетически могли скрываться эмиссары-нелегалы.

Полиция следила также за ситуацией в польских владениях Австрии и Пруссии и анализировала их политику в отношении польской эмиграции. Пруссия представляла как относительно нейтральная сторона. Прусские власти свободно пропускали «польских выходцев» через свою территорию, как в приведенном выше случае с прусским консулом в Кракове. В то же время они специально не потворствовали деятельности

восстания 1830–1831 гг. Сам он также поддерживал контакты с эмиссарами Чарторыйского. См. подробнее: *Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w “dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*. Kraków; Łódź, 2018. S. 57, 78.

22 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 170. Л. 81.

23 Там же. Д. 171. Л. 85.

24 См., например, список от 30 июля по 6 августа 1832 г.: Там же. Л. 3.

эмиграции. Толерантное отношение прусского правительства к польским эмигрантам во многом объяснялось давлением местного общественного мнения, в то время расположенного к Польше²⁵.

Габсбургская монархия занимала двойственную позицию. В отчете о ситуации в Галиции генерал-майора Ф. К. Нессельроде от 30 января (11 февраля) 1833 г. отмечалось, что приказ австрийских властей, предписывавший всем эмигрантам покинуть страну, носил демонстративный характер. В действительности политическим беженцам (на тот момент – 8 тыс. чел.) предоставлялась возможность продлить свое пребывание в австрийских владениях и даже получить пособие. Для этого было достаточно сделать формальный запрос российскому правительству с прошением о предоставлении амнистии²⁶.

Местные поляки (то есть австрийские подданные) свободно делали пожертвования в пользу беглых сородичей. Например, было отмечено, что 70 эмигрантов получили 1 тыс. дукатов от графини Малаховской²⁷. Эрцгерцог Фердинанд (будущий император в 1835–1848 гг.) ежедневно принимал у себя представителей высших слоев эмиграции²⁸.

В этом же отчете Нессельроде был сделан прогноз о том, что если события будут развиваться таким образом и далее, а восточный вопрос будет вызывать все более серьезное беспокойство у Австрии, то ее польская политика станет более решительной и не ограничится оказанием тайной помощи. В заключительной части донесения указывалось, что австрийские власти могут воспользоваться эмиграцией как «мощным оружием для создания новых проблем» в Царстве Польском, где уже «зреют подрывные элементы»²⁹.

Отчет Нессельроде был написан за полгода до заключения 6 (18) сентября 1833 г. русско-австрийской конвенции в Мюнхенгрее. Она предусматривала взаимную гарантию границ польских владений и оказание вооруженного содействия в случае возникновения беспорядков, обещание выдачи государственных преступников

25 См. подробнее об австрийском и прусском взглядах на проблему польской эмиграции в 1830-х гг.: *Кашитанова О. С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // *Меж двух востанов. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 384–385.

26 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 173. Л. 30.

27 Там же. Л. 33.

28 Там же. Л. 32.

29 Там же. Л. 35.

и учреждения строго надзора над участниками польского восстания 1830 г.³⁰ Примечательно, что после заключения этой конвенции в отчетах больше не встречается подобных тревожных сообщений.

В донесениях второй половины 1830-х гг. появляются рапорты конкретных агентов под прикрытием – Наполеона Шостаковского и Антония Куберского (под псевдонимом «Вернер»). Оба были польскими эмигрантами, начавшими работать на Россию³¹.

Шостаковский состоял в «Объединении польской эмиграции» (существовало в 1837–1846 г.) под руководством И. Лелевеля. В рамках этой организации «брюссельский отшельник» пытался сплотить всех эмигрантов революционно-демократических взглядов.

В отчете от 13 (28) января 1838 г. сообщались сведения Шостаковского о программном заседании «Общества космополитов» в Лондоне от 24–27 декабря 1837 г. Под этим наименованием явно имелось в виду вышеупомянутое «Объединение...» Лелевеля. «Космополитический» компонент названия объясняется, по-видимому, тем, что общество исповедовало революционные взгляды, а также присутствием на заседании радикалов из разных европейских стран: 40 поляков (среди заметных участников перечислены сам Лелевель, Ю. Дверницкий, А. Пулаский, Т. Кремповецкий, З. Свентославский, собственно Шостаковский и др.), а также «некоторого числа итальянцев, французов и немцев»³².

В отчете также говорилось о повестке данного заседания «Общества космополитов». В первую очередь революционеры признали возможность ведения длительной партизанской войны на землях бывшей Речи Посполитой (в силу «искренней и непоколебимой веры в будущее восстановление Польши, питавшей каждого поляка», а также «географических особенностей» страны). Кроме того, отмечалась необходимость привлечения к освободительной войне «сельского слоя», евреев и духовенства. Крестьянам обещали выплату «большой суммы» и земельные наделы, а клиру гарантировали право на осуществление образовательной деятельности среди молодежи и сохранность церковного имущества³³.

30 См. подробнее: *Каушанова О. С.* Польский вопрос... С. 398.

31 Биографические справки о Вернере-Куберском и Шостаковском см. в очерке Р. Гербера: *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 7–8.

32 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 9.

33 Там же. Л. 10.

По итогам встречи было решено организовать экспедицию в польские земли из 50 человек в апреле 1838 г. или раньше. Подсчитали, что на момент 23 декабря к обществу присоединились 475 членов³⁴, а его денежный фонд составил 3955 флоринов (за счет пожертвований, а также продажи учебников Лелевеля по истории Польши для детей). Прогнозировалось, что к весне эта сумма возрастет до 10 тыс. флоринов, которой должно хватить на отправку упомянутых 50 эмиссаров: как предполагалось, по прибытии на место им «уже больше ничего не потребуется». Конкретные пункты назначения для участников экспедиции предполагалось определить позднее, когда будут собраны деньги. Было решено также немедленно отправить 6 эмиссаров (включая Шостаковского) в другие центры эмиграции (север, юг, восток Франции и остальную часть Англии), чтобы уведомить местных сторонников объединения о текущих планах³⁵. Согласно отчету от 6 (18 марта) 1838 г., данные Шостаковского «по большей части» подтвердил другой агент – упомянутый выше Вернер³⁶.

Разумно предположить, что внимание полиции в этом донесении привлекли прежде всего сведения о подготовке крупной экспедиции в бывшие земли Речи Посполитой. Именно там, пользуясь поддержкой своих сородичей, эмиссары могли напрямую вести подрывную деятельность против властей России, Австрии и Пруссии.

Особенно полицию беспокоила возможность покушений на европейских монархов со стороны представителей польской эмиграции. В отчетах варшавских военных губернаторов сохранилось несколько донесений агента Вернера, в которых сообщалось о планах царевубийств. Вернер входил в круг общения нескольких революционеров из «Молодой Европы», в которой также состояли польские эмигранты из «Молодой Польши». Деятельность этого агента ценил сам Николай I, неоднократно отмечавший важность его сведений в переписке с Паскевичем 1836–1839 гг.³⁷

Вернер расположил к себе Юзефа Наполеона Чапского, одного из членов «Молодой Польши», и получил от него ряд писем с конфиденциальной информацией. В отрывке из донесения 6 (18) августа 1836 г.

34 На рубеже 1830–1840-х гг. «Объединение польской эмиграции» достигнет максимальной численности в 2,5 тыс. человек. См.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 83.

35 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 191. Л. 13–16.

36 Там же. Л. 50.

37 *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 201.

капитана Массона, который курировал Вернера, указывалось, что письмо Чапского Вернеру от 29 июля того же года содержало инкриминирующие строки: «Скажи, Николай будет присутствовать на коронации Фердинанда? Если да, это значительно укоротит дорогу»³⁸. Революционеры надеялись, что смогут застать царя уже в Вене, на церемонии коронации будущего австрийского императора Фердинанда I. Тогда бы им не пришлось отправляться в более длительную и рискованную экспедицию на территорию России. В конце донесения указано, что последнее письмо Чапского «тщательно сохранено» в качестве доказательства его вины³⁹.

Однако перехватить Чапского не удалось. Согласно донесению Вернера в отчете 27 октября (8 ноября) 1836 г., революционер, прибыв в Страсбург по английскому паспорту, «серьезно заболел» и отменил план поездки в Россию. Но в Страсбурге Вернер заговорщика не обнаружил и, руководствуясь некими «надежными сведениями», отправился искать его в Женеву⁴⁰. В донесении 8 ноября агент Вернер указал, что Чапский действительно заболел чахоткой и оказался в Женеве. При встрече доверявший Вернеру Чапский сообщил, что хотел перебраться в Англию с паспортом на имя Тейлора. По пути туда он собирался обойти стороной Париж. Чапский опасался, что Шнайдера, одного из его соратников, принявшего участие в страсбургском заговоре Луи-Наполеона 30 октября⁴¹, могли арестовать. А это, в свою очередь, могло скомпрометировать самого Чапского⁴².

Будучи в Женеве, Вернер проанализировал настроение других заговорщиков: «На данный момент кажется, что Польша и Россия были полностью забыты находящимися здесь революционерами. Все их взоры обращены ко Франции, где, как они полагают, готовится какое-то катастрофическое событие». Таким образом, агент убедился, что заговорщики из «Молодой Европы» охладели к польско-российскому направлению. Один из коллег Чапского, итальянец Карачелли, на расспросы Вернера о планах российской экспедиции заявил, что его внезапно отозвали для участия в восстании, готовящемся во Франции и Италии. Итальянец намеревался отправиться в Париж с паспортом

38 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 185. Л. 40.

39 Там же. Л. 41.

40 Там же. Д. 186. Л. 15–16.

41 «Страсбургский заговор» 30 октября 1836 г. – первая попытка будущего Наполеона III захватить власть во Франции.

42 Там же. Л. 32–33.

на имя Роберти. Вернер заключил, что в действительности отказ эмиссара от первоначального проекта был вызван скорее страхом⁴³.

Боязнь компрометации и неудачи – вполне логичная причина отказа от покушения. При этом надо отметить, что Франция времен Июльской монархии с ее сильной республиканской оппозицией являлась богатым полем для революционной активности⁴⁴. Упомянутая выше неудачная экспедиция будущего Наполеона III была всего лишь одним из вариантов такой деятельности. Возможно, в глазах заговорщиков риски, связанные с подготовкой убийства монарха, превышали выгоды, которые можно было бы извлечь из французских событий.

В следующий раз сведения о планах цареубийства появились в отчете 29 декабря 1838 (10 января 1839 г.). Вернер, находясь в Страсбурге, узнал у немецкого революционера Раушенплатта, что Дж. Мадзини размышлял об отправке нескольких эмиссаров через Австрию и Венгрию в Россию для покушения на Николая I. Вернер вызвался сопроводить эмиссаров, и Раушенплатт присоединил его к кампании, состоявшей из Карла Фишера, члена «Молодой Германии» (возглавлял экспедицию), вышеупомянутого Чапского, Бервини (уроженца Пьемонта), Зибера (предположительно сына начальника пражского монетного двора) и польского эмигранта Адольфа Залесского (одного из видных деятелей демократического лагеря эмиграции). В качестве орудия цареубийства Бервини и Зибер готовили «адскую машину»⁴⁵.

В отношениях с Фишером Вернеру было предписано придерживаться особой линии поведения. Агенту велели «позволить ему пользоваться полной свободой действий и не препятствовать его отъезду в Венгрию, чтобы воодушевить этим видимым успехом других заговорщиков на отправку в путь», а также «не пренебрегать любыми средствами, чтобы завоевать полное доверие Фишера». С помощью этой меры предполагалось выведать более основательные сведения о тайных планах заговорщиков⁴⁶.

Инструкция Вернеру явно предусматривала не просто сбор информации, а внедрение в революционную организацию с целью пресечения ее преступной деятельности. Означает ли это, что в николаевскую эпоху российская полиция освоила методы политической провокации? Польские историки Я. Кухажевский и Х. Глембоцкий полагали,

43 Там же. Л. 34.

44 Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132–133.

45 ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 194. Л. 32–33.

46 Там же. Л. 37.

что царский политический сыск уже располагал к тому времени шпионско-провокаторским аппаратом⁴⁷. П. П. Черкасов и О. Ю. Абакумов считают, что метод провокации российская полиция стала осваивать только к началу 1860-х гг. Они ссылаются на позицию парижского резидента III отделения Я. Н. Толстого, который выступал против вмешательства агентов в деятельность польской эмиграции⁴⁸.

Представляется, что случай Вернера нельзя экстраполировать на всю практику политического сыска России. В указанной выше работе О. Ю. Абакумова показано, что еще в начале 1860-х гг. кроме Толстого скепсис к методу провокации испытывали также некоторые чиновники III отделения. Рассмотренные нами примеры явно говорят о том, что организация заграничной агентуры в 1830-х гг. оставалась децентрализованной и слабо институтизированной. Профессиональная подготовка агентов и единые стандарты ведения агентурной деятельности отсутствовали. Агентуру курировали представители военной администрации через неформальные каналы. Следовательно, невозможно уверенно утверждать, насколько характерен был тот или иной метод для сыскной системы в целом. Ясно одно: в 1830-х гг. полиция Царства Польского могла позволить себе содержание как рядовых информаторов, так и штучных агентов-провокаторов, внедренных в польскую эмиграцию.

В ежегодном отчете III отделения за 1838 г. приведено своеобразное подведение итогов деятельности агентов польской эмиграции в этот период, о которой докладывали в том числе Вернер и Шостаковский: «Заграничные польские комитеты, как видно из поступивших миссий наших и агентов высшего наблюдения сведений, отправили от себя в начале весны большее число эмиссаров, которые должны были проникнуть как в западные наши губернии, так и в Царство Польское, а некоторые и в здешнюю столицу, с преступным против Священной Особы Государя императора намерениями; однако же, сколько известно ни один из них не проник в наши пределы»⁴⁹.

Свидетельствует ли это заключение, что угроза со стороны эмиссаров была преувеличенной? Ясно, что Вернеру было выгодно раздуть опасность потенциальных цареубийц, чтобы подчеркнуть свою полезность.

47 Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 132; Głębocki H. "Diabeł Asmodeusz"... S. 304.

48 Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». С. 5, 32; С. 76, 130; С. 142; Черкасов П. П. Русский агент... С. 413–414.

49 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 184.

В то же время очевидно, что российская разведка не могла проигнорировать даже ничтожные сигналы о покушениях на особу монарха.

Эпизод же с неудачной отправкой эмиссаров «Объединения польской эмиграции» Лелевеля весной 1838 г. в бывшие земли Речи Посполитой говорит о способности российского политического сыска оперативно отслеживать возможные угрозы. Не случайно в мае этого года в Вильно был схвачен Шимон Конарский, соратник Лелевеля и руководитель революционной организации «Содружество польского народа», который еще с 1835 г. вел подпольную деятельность на территории польских губерний Российской империи⁵⁰.

Подводя итог, отметим, во-первых, что заграничный сыск Царства Польского следил прежде всего за проектами царубийства и планами отправки эмиссаров в польские земли. Эти направления связывались непосредственно с фигурой Лелевеля, демократическим лагерем эмиграции, а также союзными им радикалами из других европейских стран. Примечательно, что именно в этой среде работали важнейшие агенты, Вернер и Шостаковский.

Во-вторых, заграничный сыск почти не интересовался нюансами идеологического противостояния между группировками «польских выходцев». Нет упоминаний о попытках агентов использовать разногласия среди эмиграции с целью посеять в ней рознь. Вероятно, руководители полицейского сыска не видели в этом необходимости, полагая, что эмиграция развалится сама из-за внутренних противоречий. По-видимому, агентуру предполагалось использовать прежде всего для предупреждения конкретных диверсий, а не для изоэщренных психологических операций.

В-третьих, варшавская полиция явно располагала развитой сетью осведомителей в приграничных с Царством Польским районах. Ей было известно, по каким каналам эмигранты снабжаются средствами и фальшивыми паспортами в Краковской республике. Она знала о заигрываниях австрийского руководства с польской эмиграцией и просчитывала риски такой политики для России.

Наконец, полиция Царства Польского и после подавления Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. во многом сохранила самостоятельность от III отделения. Она делилась информацией с ведомством Бенкендорфа, но не подчинялась ему. Паскевич обладал собственной заграничной агентурой на польском направлении и отчитывался о ее деятельности напрямую перед царем.

50 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 58–61, 92–93.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Абакумов О. Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 214 с.

Бабоша И. А. Русский шпион ухватил за бороду Карла Маркса // Родина. 2022. № 10. С. 106–109.

Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М.: Три квадрата, 2009. 424 с.

Капитанова О. С. Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 383–461.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М.: Издатель Степаненко, 2018. 500 с.

Носов Б. В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 89–199.

Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982. 207 с.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры: Российский Архив, 2006. 706 с.

Троцкий И. М. III отделение при Николае I. М.: Издательство Всеобщего Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 139 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. 453 с.

Черкасов П. П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.

Głębocki H. “Diabeł Asmodeusz” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.

Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019. 373 s.

Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. S. 5–78.

Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // *Studia i szkice* (1864–1918). Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 47–104.

Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w “dyplomacji” Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 400 s.

References

Abakumov, O. Iu. «...*Chtob npravstvennaia zaraza ne pronikla v nashi pre-dely*». *Iz istorii bor'by III otdeleniia s evropeiskim vliianiem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-kh gg.)*. Saratov: Nauchnaia kniga, 2008, 214 p.

Babosha, I. A. «Russkii shpion ukhvatil za borodu Karla Marksa.» *Rodina*, 2022, no 10, pp. 106–109.

Bibikov, G. N. *A. Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaia I*. Moscow: Tri kvadrata, 2009, 424 p.

Cherkasov, P. P. *Russkii agent vo Frantsii. Iakov Nikolaevich Tolstoi (1791–1867 gg.)*. Moscow: T-vo nauchnykh izdaniia KMK, 2008, 453 p.

Cherkasov, P. P. «Tretii chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskii – pervyi shef rossiiskoi vneshnei razvedki.» *Rodina*, 2007, no 9, pp. 56–62.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Gerber, R. «Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku.» *Potocki, A. Raporty szpiega*, vol. 1. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, pp. 5–78.

Głębocki, H. “*Diabel Asmodeusz*” i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012, 812 p.

Kashtanova, O. S. «Pol'skii vopros v mezhdunarodnoi politike 1830-kh – nachala 1860-kh gg.» *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, pp. 383–461.

Kukhazhevskii, Ia. *Ot belogo do krasnogo tsarizma*. Vol. 3. *Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel'*, part 2, section III. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2018, 500 p.

Kulik, M. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856*. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019, 373 p.

Nosov, B. V. «Politika tsarskogo pravitel'stva v Korolevstve Pol'skom vremeni namestnichestva I. F. Paskevicha.» *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, pp. 89–199.

Orzhekhovskii, I. V. *Samoderzhavie protiv revoliutsionnoi Rossii*. Moscow: Mysl', 1982, 207 p.

Próchnik, A. "Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915)." *Studia i szkice (1864–1918)*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962, pp. 47–104.

Rossiiia pod nadzorem. Otechety III otdeleniia 1827–1869. Sbornik dokumentov, ed. by M. V. Sidorova and E. I. Shcherbakova. Moscow: Ros. fond kul'tury: Rossiiskii Arkhiv, 2006, 706 p.

Trotskii, I. M. *III otdelenie pri Nikolae I*. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoiuznogo Obshchestva politikatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1930, 139 p.

Żurawski vel Grajewski, R. *Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w "dyplomacji" Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*. Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018, 400 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

I. A. Babosha

The Surveillance of Congress Poland's secret police over the Polish emigrants in 1831–1839 (on the basis of the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section)

Ivan A. Babosha

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

Leading editor

Fundamental Library of INION RAN

117418, Moscow, Nakhimovsky Prospekt 51/21

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Citation

Babosha I. A. The Surveillance of Congress Poland's secret police over the Polish emigrants in 1831–1839 (on the basis of the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section) // *Slavic Almanac*. 2023. No 3–4. P. 34–52 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.02

Received 14.04.2023.

Revised: 01.08.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The article deals with the activities of the secret police of the Congress Poland in the 1830s aimed at monitoring the Polish political emigration, which was formed after the defeat of the November Uprising of 1830–1831. The paper introduces previously unknown documents from The State Archive of The Russian Federation (GA RF) – the reports of the military governors of Warsaw to the Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery from 1831–1839. Among these reports, we managed to locate a few dispatches by Werner-Kubersky and Shostakovsky, prominent agents already known from other sources and scholarly works. The new source expands on the history of the Polish emigration in the 19th century by adding the viewpoint of the Russian secret police, which was rarely taken into consideration in previous historiography. The secret police under the rule of Ivan Paskevich, Congress Poland’s viceroy in 1831–1856, remained semi-independent from the Third Section by maintaining a stand-alone spy ring among the Polish emigration. An important part of the reports was devoted to monitoring Austria’s policy towards the Polish émigrés and the activities of the Polish refugees in the Republic of Krakow. The analysis of the reports shows that the Russian spies focused on the threats to state security, which were regicide projects and plans for sending emissaries to the former Polish lands. Ideological differences among the emigrant factions were of minor importance to them.

Keywords

Secret police, foreign intelligence, transnational policing, spy ring, polish emigration, regicide, Congress Poland, The Third Section.